

МАМА

Издательство · Малыш ·
1986

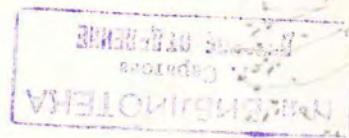
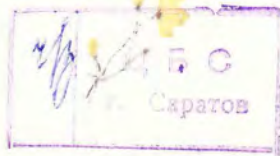
- 11 -

МАМА

СТИХИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

СОСТАВИЛА Л. РАЧЁВА

№ 5 0047-1

Издательство · МАЛЫШ · Москва 1986

Мама!

Самое прекрасное слово на земле — мама.

Это первое слово, которое произносит человек, и оно звучит на всех языках мира одинаково нежно.

У мамы самые добрые и ласковые руки, они всё умеют. У мамы самое верное и чуткое сердце — в нём никогда не гаснет любовь, оно ни к чему не остаётся равнодушным.

И сколько бы ни было тебе лет — пять или пятьдесят, — тебе всегда нужна мать, её ласка, её взгляд. И чем больше твоя любовь к матери, тем радостнее и светлее жизнь.

«Мамочка!» — ласково называл Владимир Ильич Ленин свою мать в детстве.

«Дорогая мамочка», — обращался он к ней в письмах...

«Берегите нашу мамочку, не оставляйте её одну», — напоминал он сёстрам и брату.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна Ульянова, прожила большую жизнь: восемьдесят один год... Она воспитала всех своих детей революционерами и стала сама их верным единомышленником.

Дети ей отвечали большой любовью, вниманием и заботой.

3. Воскресенская

СЕКРЕТ

В конце февраля в доме Ульяновых на антресолях поселялся Секрет. Он был беспокойный: стучал молотком, тарахтел швейной машинкой, визжал, как пила, и похрипывал, как лобзик.

Стоило детям в столовой хоть на минуту остаться без родителей, Секрет соединял их головы и начинал таинственно шептать.

С появлением мамы он исчезал, и дети садились по местам с самым равнодушным видом.

Аня, Саша, Володя и Оля дали друг другу слово беречь Секрет и папе с мамой его не выдавать. Здесь же были Маняша и Митя. На Маняшу можно было положиться — ей два года, а Мите, хоть и шесть, но он никак не может смириться с тем, что о Секрете не должна знать мама. Вечером Митя не вытерпел, подошёл к маме и прошептал:

— Мамочка, а у нас есть секрет. Хочешь, скажу?

Мама строго посмотрела на младшего сына:

— Нет, я и слушать не буду. Секрета выдавать нельзя, его надо беречь.

По вечерам мама не заходила к детям наверх, чтобы не столкнуться с Секретом. Она сидела в столовой, вязала и улыбалась. Когда Аня попросила разрешения оставить себе деньги, заработанные за уроки, мама не спросила, зачем они ей понадобятся. Она даже не заметила, что швейная машинка переехала из столовой в Анину комнату. Папа сидел у себя в кабинете и, заткнув уши, работал, чтобы не слышать, как Секрет прошивает стукотом швейной машинки весь дом.

За ужином родители не замечали ни золотистых стружек, запутавшихся в кудрях Володи, ни висевших на шее у Оли прядей цветных ниток, ни забинтованного у Саши пальца, ни перемазанного красками лица Мити. И папе почему-то в эти вечера не хотелось сыграть с Сашей в шахматы...

Только часы ни с чем не считались. Им не было дела ни до какого Секрета. И если бы они не били по вечерам девять раз, мама и не вспомнила бы, что детям пора спать.

Секрет помогал готовить уроки особенно тщательно, он не мог допустить, чтобы из-за него дети схватили, чего доброго, плохую отметку.

Накануне торжественного дня Секрет должен был спуститься с антресолей вниз, и мама с папой ушли к знакомым.

Саша с Володей принялись натирать воском кра-

шенные полы и чистить себе и сёстрам ботинки. И полы и ботинки сверкали, как зеркальные. Аня и Оля крахмалили, наглаживали братьям воротнички, рубашки и себе ленты. Митя наводил порядок в игрушках. Маняша сидела в детской, и, чтобы ей не было скучно, Оля дала ей поиграть своим Секретом. В этот вечер Маняша никому не мешала.

И когда, казалось, всё было готово и до прихода родителей оставались считанные минуты, разразилась беда.

Оля с плачем прибежала к Ане:

— Смотри, что Маняша натворила! Где она только ножницы разыскала?

Аня ахнула, и сёстры побежали к братьям за помощью. Володя увидел заплаканное лицо Оли, вынул из кармана платок, вытер ей слёзы.

— Не плачь,— уговаривал он свою подружку.— Саша сейчас что-нибудь придумает.

Саша не умел огорчаться и всегда находил выход из положения, даже когда Секрет, казалось, был непоправимо искалечен.

Саша принялся рисовать. Аня подбирала нитки. Володя вдевал нитки в иголки. Оля вытерла насухо глаза и принялась за работу.

Беда была ликвидирована, а Секрет после поправки стал ещё красивее.

6 марта Секрет заставил маму спать дольше

обычного, чтобы дети ушли в гимназию до того, как она проснётся.

Уроки в этот день тянулись необыкновенно долго. Зато, когда они закончились и Саша с Володи́ей встретились у Мариинской гимназии с сёстрами, чтоб вместе идти домой, всем им показалось, что солнце светит совсем по-весеннему и улицы сверкают в праздничном инее, а Володя прислушался и нашёл, что галки сегодня поют, как скворцы.

В доме пахло праздником.

Мама, одетая в своё лучшее платье, сидела с папой в столовой и ждала детей. Сверху доносился весёлый переполох.

И вот они, шестеро детей, спускаются по лесенке и тремя парами входят в столовую. Впереди идут Маняша с Митей, за ними Оля с Володей и затем Аня с Сашей. У каждого за спиной Секрет, который они сейчас откроют маме.

Заполнили комнату, остановились. Шесть пар сверкающих глаз с восхищением смотрят на свою маму. Она сегодня такая красивая! Ей так идёт синее платье с белым воротничком и волосы белые, как кружево, над высоким лбом! На лице улыбка, и в карих глазах поблёскивают солнечные искры. Папа в парадном сюртуке стоит за стулом мамы, сияющий, торжественный.

Аня вышла вперёд.

— Дорогая наша мамочка!—говорит она звонким, срывающимся голосом.—Мы поздравляем тебя с днём рождения. Желаем, чтобы ты всегда была здорова, всегда счастлива, всегда улыбалась!

— Спасибо, дорогие мои, спасибо!—И у мамы срывается голос и в глазах блещут слёзы.

— Маняша, иди,—шепчет Аня.

Маняша бежит к маме, подаёт на блюдечке крохотный колобок. Она сама его состряпала.

— Попробуй,—предлагает она маме и живо взбирается к ней на колени.

— Ах, как вкусно!—откусила мама кусочек, а остальное Маняша запихала себе в рот.

Митя, выпятив важно губы, несёт на ладонях конверт, разрисованный диковинными цветами и неизвестными зверюшками. Все самые яркие и весёлые краски и всё своё умение вложил Митя в рисунок. А как старательно выведены на листке четыре слова: «Дорогая мамочка. Поздравляю. Митя»!

Мама прочитала вслух и передала письмо папе: — Смотри, какое чудное поздравление!

И папе очень понравился Митин подарок.

Оля положила маме на колени думочку. На зелёной подушке, как на лугу, пестрели вышитые полевые цветы и в середине большой красный мак.

— Очень красивая подушка, — залюбовалась мама, — настоящий весенний луг. — Особенно понравился маме мак. — Этот лепесток словно ветром отвернуло, и мак совсем как живой.

У Оли отлегло от сердца: как раз под этим лепестком и была злосчастная дырка, вырезанная ножницами Маняшей. Маняша взглянула на подушку и уткнулась лицом маме в грудь.

Володя вздохнул. Подушка затмила все подарки. Понравится ли маме его подарок? Он поставил на пол маленький светлый домик с круглым окошечком.

— Мамочка, этот скворечник я приделаю к вязу возле кухни. В нём поселятся скворцы и будут петь тебе песни. Они ведь скоро прилетят.

— Какая прелесть! — обрадовалась мама. — В детстве у меня перед окном был точно такой же скворечник. С тех пор я очень люблю скворцов. Спасибо, Володюшка!

Саша развернул лист белой бумаги и вынул дощечку. Нет, это когда-то была дощечка, а лобзик и пила в руках Саши превратили её в тонкое кружево с красивыми зубцами и причудливо изогнутыми веточками и цветами.

— Это дощечка для резки хлеба, — сразу поняла мама. — Как раз мне её и не хватало. Но она такая красивая, что, право, жалко на ней резать хлеб. Я буду её очень беречь.

Наконец пришла очередь Ани. Она раскрыла свой Секрет. Тёплая байковая кофточка, жёлтая, как цыплячий пух, была отделана коричневым воротником и манжетами. Материю Аня купила на свой первый трудовой заработок. Сама скроила и сшила.

Мама примерила кофточку и не захотела её снимать. Уж очень она ей понравилась.

Где-то хлопнула дверь. Папа засмеялся:

— Это господин Секрет убежал.

И сразу стало шумно и весело. Шестеро детей уселись за стол. На одном конце Мария Александровна, на другом — Илья Николаевич.

— А у меня тоже подарок — всем нам по случаю дня рождения нашей мамочки.

Папа вынул из конверта большую фотографию, на которой была снята вся семья.

Дети вспомнили, как осенью папа водил их всех в фотографию, и как долго их там усаживали и не велели дышать и моргать, и как Маняша испугалась фотографа, когда он накрылся чёрной пелёнкой.

И вот перед ними готовая фотография.

— Как хорошо, что у нас есть мама! — сказал папа. — Она заботится о всех нас и очень нас любит. Скажем ей спасибо за это. И мы все тоже крепко любим её.

ЯСОЧКА НА ПРАЗДНИКЕ

Праздник, праздник!

Травка-невеличка, всем тепло и радостно. Весна!

Ясочка — весёлая, как птичка. Первый раз на празднике она. Красный бантик у неё в косичке, а сама, как солнышко, ясна.

Праздник, праздник! Травка-невеличка!..

Первомай!

Весёлая весна!

Вышла Яся с мамою на площадь — там народ собрался на парад. Ветер флаги красные полощет, и оркестры майские гремят.

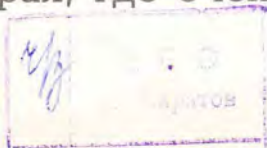
Сколько их! Им город будет тесен! Вот идут рабочие ряды. И листва дрожит от звонких песен, комсомольских песен молодых.

Галстуки у пионеров выются, плещут, будто красные огни. Ребятишки весело смеются, и танцуют, и поют они!

Мама шепчет:

— Первомай повсюду, много песен, смеха и цветов. Только есть края, где очень худо жить ещё ре-

№ 5 0047-1

бятam бедняков. Там весь день, с утра до поздней ночи, для своих хозяев, для господ, трудится крестьянин и рабочий, голодно и холодно живёт. Будет Май — и весь народ на свете понесёт и флаги и цветы. Всюду будут радоваться дети, как сейчас вот радуешься ты!

Над толпой шумят знамёна Мая, все выходят с песней на парад. Яся тоже песне подпевает, и флажок в руке у ней зажат.

МАМОЧКА

Кто пришёл ко мне с утра?
Мамочка.
Кто сказал: «Вставать пора»?
Мамочка.
Кашу кто успел сварить?
Мамочка.
Чаю — в пиалу налить?
Мамочка.
Кто косички мне заплёл?
Мамочка.
Целый дом один подмёл?
Мамочка.
Кто цветов в саду нарвал?
Мамочка.
Кто меня поцеловал?
Мамочка.
Кто ребячий любит смех?
Мамочка.
Кто на свете лучше всех?
Мамочка.

КАК ПОЯВИЛСЯ БАЧО

Жили на свете Рамази и Манана, но сколько бы вы ни искали Бачо, его нигде не было. Однажды он рассердился: «Почему это все есть, а меня нету?» — и в один прекрасный день взял и появился на свет. Рамази и Манана обрадовались, а самому Бачо хоть бы что!

— Ах, братец! Чем же тебя угостить? — заволновалась Манана.

«Я люблю только молоко», — подумал Бачо.

— О, молоко — это чудесно!.. — угадала Манана.

«Я и сам знаю», — подумал Бачо.

— Конечно, знаешь, Бачо! Ты у нас всё знаешь! — сказала Манана.

— Ничего он не знает! — махнул рукой Рамази. — самого не видать ещё, а воображает...

Бачо ужасно рассердился, наморщил лоб и попытался выпростать руки из пелёнок.

Манана тоже рассердилась на Рамази и сказала:

— Замолчи сейчас же! Бачо большой мальчик. Большой и сильный!

— В первый раз слышу, чтобы грудной младенец был сильным.

— Где уж тебе услышать? Целыми днями на улице пропадаешь, а ночью спишь без задних ног.

— А он что, не спит по ночам?

— Нет. Он ни минуты не спит ночью.

— Вот это новость!

— Для кого новость, а для кого и нет.

Пока брат и сестра спорили, Бачо уснул, но Манана прекрасно знала всё, что случилось с ним ночью; он только сестре доверил тайну. И Манана сказала:

— Когда настаёт ночь и все в доме, даже драчливые петушки, засыпают, Бачо тихонько вылезает из пелёнок, одевается и уходит.

— Куда?

— Я тебе скажу куда. На охоту!

— Вот это здорово! — смеётся Рамази.

— Он уже поймал лисичку, которая стащила у вороны кусочек сыра, и убил волка. Убил и снял с него шкуру.

— Он не говорил случайно, где прячет эту шкуру?

— Вот ещё!.. На что ему гадкая волчья шкура?

— В таком случае ему надо было ловить тигра.

— Он так и сделал, — говорит Манана. — Взял и поймал тигра, вернее тигрицу. А знаешь, для чего?

Чтоб шкуру под свою колыбель постелить. Но тигры в наших лесах не водятся, и Бачо пришлось идти далеко-далеко, за тридевять земель...

И чего этот Рамази закатывается? Неужели не верит, что Бачо поймал тигрицу?

— Верю! — смеётся Рамази. — Верю!

— Да... Сунул её под мышку и несёт. А тигрица была с тигрятами. Но Бачо их не тронул, только поиграл немножечко, приласкал, а маму-тигрицу взял и поволок.

Идёт Бачо и несёт тигрицу.

— Что ты собираешься делать со мной? — спрашивает тигрица. — Наверно, в зоопарк за решётку посадишь?

— Нет, — говорит ей Бачо, — в зоопарке и без тебя тигров много. Я тебя домой отнесу.

— На что я тебе сдалась? — спрашивает тигрица. — Я же хищная...

— Сниму с тебя шкуру. У тебя очень красивая и мягкая шкура, а мне нужно что-нибудь под люльку постелить.

— Не губи! — взмолилась тигрица. — У меня детки. У тебя ведь тоже есть мама?

— Конечно, есть, — говорит Бачо. — Мама кормит меня молоком.

— Моим тигряткам тоже хочется молока-а, — заплакала тигрица.

Тут Бачо вспомнил, что и сам проголодался, и тоже заплакал.

— Я покормлю тебя,— сказала ему тигрица, утирая слёзы,— а уж ты отпусти меня к деткам.

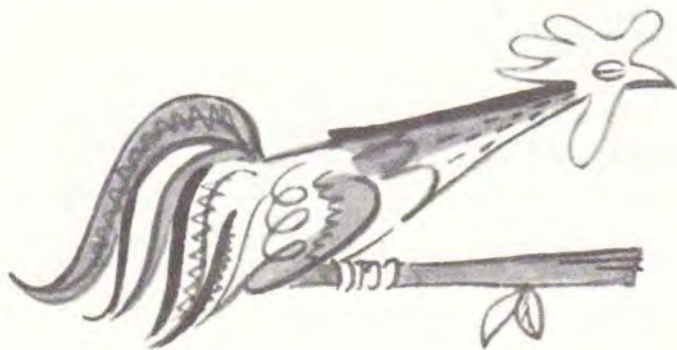
— Ладно,— ответил Бачо,— отпущу.

Он пососал тигриного молока и отпустил тигрицу домой в джунгли...

— Вот это герой!— восклицает Рамази, глядя на спящего брата.

— Тсс, тише... Не разбуди!— хмурит брови Манана и бережно покачивает люльку.

А Бачо спит... Иногда по его губам пробегает улыбка: наверно, в эту минуту он видит хитрую, лукавую лисичку или играет с пушистыми тигрятами. А когда тигрята присасываются к материнской груди, он вспоминает, что тоже хочет молока, и плачет. Всё-таки больше всего на свете он любит молоко...

КЭТИНО, ОТГАДАЙ!

Загадка:

Холод прогонит,
Светло улыбнётся,
Самая тёплая,
Самая добрая.
Если ушла,
Пусть быстрее вернётся.

Отгадка:

Самая тёплая,
Добрая самая —
Может, ты думаешь,
Это весна?
Не угадала,
Совсем не она!
Это моя
И Мананина мама!

Загадка:

Самый могучий
И справедливый,
С голосом громким
И мягкою гривой.
Нет никого
Сильнее на свете,
Нет никого
Вернее на свете.

Отгадка:

Самый могучий
И справедливый,
С голосом громким
И мягкою гривой —
Думаешь, лев
С тяжёлою лапой?
Нет, это мой
И Мананин папа!

СКАЖУ МАМЕ

— **Н**е проливал бы,— сказала мама.

— Да оно само льётся, вот,— надулся Азимжан. И молоко пролилось у него из ложки.

— Видишь? Само!

— Держи ложку прямо, так и не прольётся.

Азимжан обиделся на маму. Молоко само проливается, а она не верит.

Он подошёл к своим игрушкам.

— Прощайте, вы. Будьте живы и здоровы. Я ушёл.

Так сказал он и заплакал.

— Далеко не уйдёшь,— сказала плюшевая обезьянка и улыбнулась: — Всё равно вернёшься!

— Нет! Не вернусь!

Азимжан вышел из дому и убежал в лес.

Но побегал-побегал по лесу, да и заблудился. Ему встретился заяц.

— Заяц, где мой дом?

— А ты куда шёл?

— Убегал от мамы.

— Если убегал от мамы, то ничего не скажу.
Заяц подёргал носом и ускакал.

Азимжану встрети́лась лиса.

— Лиса, где мой дом?

— А ты, мальчик, куда идёшь?

— Я ушёл от мамы.

— Ах так! Тогда не скажу.

И лиса убежала.

Потом Азимжану встретился хозяин леса — медведь. Азимжан понурил голову и молчал. «Всё равно не скажет — чего спрашивать!»

Медведь подошёл к нему и лизнул лицо. Азимжан испугался.

— Ай, скажу маме!

Медведь сразу отошёл прочь.

«Теперь всем буду говорить: скажу маме! — подумал Азимжан. — И никто меня не тронет».

Но больше никто не попадался ему навстречу. Тогда Азимжан испугался, что так и не найдёт дорогу домой, и громко заплакал. От его плача весь лес зашумел, собрались звери, слетелись птицы.

— Э-гей, не плачь, мы проводим тебя домой! — пропела одна птичка.

— Пусть плачет, он в меня пулял камнем! — прокричала другая.

— Я съем этого мальчика, — проворчал волк, — он убежал от мамы!

— Не пугайте его,—сказала зелёная алыча и хлестнула волка своей веткой.

Потом она взяла Азимжана за руку.

— Пойдём. Не плачь. И больше не вздумай убежать от мамы.

Все деревья пошли с ним вместе и проводили его домой.

— Вот и вернулся! — засмеялась плюшевая обезьянка.

— Чего смеёшься? — сказал Азимжан. — Вот скажу маме!

А кто же ещё заступится за своего сыночка, как не его мама.

Е. БЛАГИНИНА

БАБУШКА-ЗАБОТА

Если внуки веселы,
Бабушка — подавно:
— Ишь распелись, как щеглы,
До чего же славно!

Если внуки есть хотят,
Бабушке отрада:
— Пусть сидят, пусть едят,
Подрастать им надо!

Если внуки вышли в сад,
Бабушка в тревоге:
— Ну, как дождь либо град —
Ведь промочут ноги!

Если внуки спать легли,
Бабушка не дышит:
— Люли, люли, люли,
Тише, тише, тише!..

Чистота, тишина,
Теплота, дремота...

Вот какая она —
Бабушка-забота.

Ну, а вы?

Каковы?
Как там с бабушкой вы?

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь, — сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то.

— Ещё бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу. — Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!

— Не даёт? Ну, из-за этого убегать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала. Прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает — другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую, — усмехнулся Павлик, — я сейчас же попробую.

Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик. — Разве такая поймёт волшебное слово!»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза, пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Ка-кую тебе?

— Мне синюю,—робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки. Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой!—приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.

«Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его, — вдруг сказала сестра. — Что тебе стоит!

— Ну отчего же не взять? — улыбнулась бабушка. — Конечно, возьми.

— Пожалуйста, — повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы.

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся! «Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

ВАМ НЕ ДОГАДАТЬСЯ

Кто материю купил?

Вам не догадаться.

Папа.

Кто сегодня платье сшил?

Вам не догадаться.

Мама.

Кто пришил карман с цветком?

Вам не догадаться.

Бабушка.

Платье кто надел потом?

Вам не догадаться.

Конечно, Седа!

СЕМЬЯ

Когда над деревней бушуют грозы, и грохочет гром, и сверкают молнии, и со стрехи потоками стекает вода, тогда Бобочел, забившись в угол, думает: конец, на этот раз им не выдержать. Но им повезло — отец у них сильный и ловкий. Выстроенный его руками дом на редкость крепок и упрям. В конце концов бури стихают, небо проясняется, в окно редко когда ударит заблудившаяся капля дождя.

Когда наступают большие зимние холода, и воют метели, и трещит чердак от мороза, тогда Бобочел, спрятавшись на тёплую печь, думает, что теперь уж конец, на этот раз всем им конец. Но вот с улицы доносится слабый старческий кашель, слышны шаги, и в дом входит дедушка с большой вязанкой хвороста. Поздоровавшись, он тут же опускается возле печи, разводит в ней огонь, и, оттого, что душа у него добрая, огонь, который он разводит, разгорается сразу и горит дружно, со звоном. И стихает метель.

Когда в пути настигает холод или жажда, Бобо-

челу кажется, что силы покинули его и ноги не донесут до дома. И тогда, в этом отчаянии, откуда-то перед ним вырастает образ матери, которая говорит, что всё это глупости, сил у него много, что он, пожалуй, ещё столько же смог бы пройти. И Бобочел идёт, и сам удивляется, потому что силы у него, оказывается, ещё есть. А там, глядишь, и сам дом — полная чаша, выходит ему навстречу.

Когда опускаются густые сумерки, а в доме ещё не включают свет, Бобочела охватывает грусть. Ему кажется, что в этом сумраке они потеряют друг друга и ничего хорошего и светлого не будет в его жизни. Но вот в дом влетает сестра:

— Вы чего засиделись в темноте?

Тут же включает свет, и, оттого, что она весёлая и красивая, свет тоже такой же весёлый и яркий.

И как-то, поразмыслив над всем этим, однажды за ужином Бобочел подумал вслух:

— А здорово мы придумали, чтобы жить вот так, вместе.

На что отец, улыбнувшись, ответил:

— А иначе и не могло быть. Иначе бы и семьи не было.

АЙОГА

В роду Самáров жил один нанаец—Ла. Была у него дочка Айога. Красивая девочка. Все её очень любили. И сказал кто-то, что красивее Айоги ни в этом, ни в каком другом стойбище никого нет.

Айога загордилась. Стала рассматривать своё лицо. И понравилась сама себе. Смотрит—не может оторваться. Глядит—не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на своё отражение в воде любитесь.

Совсем стала Айога ленивая.

Всё любитесь собой.

Вот однажды говорит ей мать:

— Пойди принеси воды, Айога!

Девочка отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись,—говорит ей мать.

— Куст оборвётся!—отвечает Айога.

— А ты за крепкий куст возьмишь.

— Руки поцарапаю...

Мать говорит ей тогда:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся,— говорит Айога. А сама всё в медный таз смотрится, какая она красивая.

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается!

— Возьми толстую иголку,— говорит отец.

— Палец уколую! — отвечает дочка.

— Напёрсток надень из толстой кожи — ровдуги.

— Напёрсток прорвётся!

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла и принесла воды.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки. На раскалённом очаге испекла.

Увидела Айога лепёшки, кричит:

— Дай мне лепёшку, мать!

— Горячая она. Руки обожжёшь,— отвечает мать.

— Я рукавицы надену,— говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они,— отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят,— отвечает мать.— Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепёшку и отдала соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла за дверь, на реку. Смотрит на своё отражение в воде. А соседская де-

вочка жуёт лепёшку. Стала Айога на девочку оглядываться. Шея у неё вытянулась — длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку. Мне не жалко!

Совсем разозлилась Айога. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости — так замахала, что руки у неё в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит.

Не удержалась на берегу, бултыхнулась Айога в воду и превратилась в гуся.

Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась.

Все слова забыла.

Только имя своё не забыла, чтобы с кем-нибудь, её, красавицу, не спутали, и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

Месяц над нашей крышей светит,
Вечер стоит у двора.
Маленьким птичкам и маленьким детям
Спать наступила пора.

Завтра проснёшься — и ясное солнце
Снова взойдёт над тобой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Спи, моя крошка, мой птенчик пригожий,—
Баюшки-баю-баю,
Пусть никакая печаль не тревожит
Детскую душу твою.

Ты не увидишь ни горя, ни муки,
Доли не встретишь лихой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Спи, мой малыш, вырастай на просторе,—
Быстро промчатся года.
Смелым орлёнком на ясные зори
Ты улетишь из гнезда.

Даст тебе силу, дорогу укажет
Родина мудрой рукой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Маму видит
вся страна

Вечером, когда погаснет свет, какое слово ты скажешь последним? И утром, открывая глаза, какое слово так спокойно и радостно придёт к тебе?

— Мама!

Заболеешь, она тебя вылечит, загрустишь — утешит. Станет страшно — спасёт...

— Мама!

Ранним утром, часто ещё до света, поднимаются наши мамы. Надо и по дому успеть и на работу не опоздать — скорей, скорей... Ткачихи, повара, вагоновожатые, медсёстры. И контролёры в метро и космонавты-исследователи! Мамы справятся с любой работой, всё сумеют. Руки золотые и сердце золотое у наших мам.

Если посчитать всех женщин и всех мужчин, которые работают у станка и на стройке, в ла-

боратории и в мастерской—ещё неизвестно, на чьей стороне окажется перевес. Причём очень многие женщины так работают, что любой мужчина лишь головой покачает да бровь нахмурит: тянуться ему и тянуться!

И недаром так много женщин у нас в стране награждены орденами и медалями. А немало мам с гордостью носит на груди Звезду Героя!

В Советской стране есть и особые, женские награды. Их дают мамам за воспитание ребят. В других странах таких женских наград нет. А у нас их три: «Медаль материнства», орден «Материнская слава». И самый почётный—орден «Мать-героиня».

Ведь это очень важный и очень трудный труд—воспитать человека. Будущего гражданина СССР!

С. Иванов

О. ВЫСОТСКАЯ

МАМИН ТРОЛЛЕЙБУС

Троллейбус, троллейбус
По улице идёт,
По гладкому асфальту
Плывёт, как пароход.
Сверху — жёлтый,
Снизу — синий,
На груди его — звезда,
А над ним воздушных линий
Протянулись провода.
Чтоб троллейбус мог идти,
Нужен ток ему в пути.
У него два ярких глаза —
Это фары, —
Фонари.
Сзади номер виден сразу —
«Восемнадцать тридцать три».

Троллейбус, троллейбус
По улице идёт,
Это мама Сашина
Троллейбус ведёт.

Мама Сашина — водитель.
К ней в кабину не входите:
Если вы туда войдёте —
Помешаете работе.

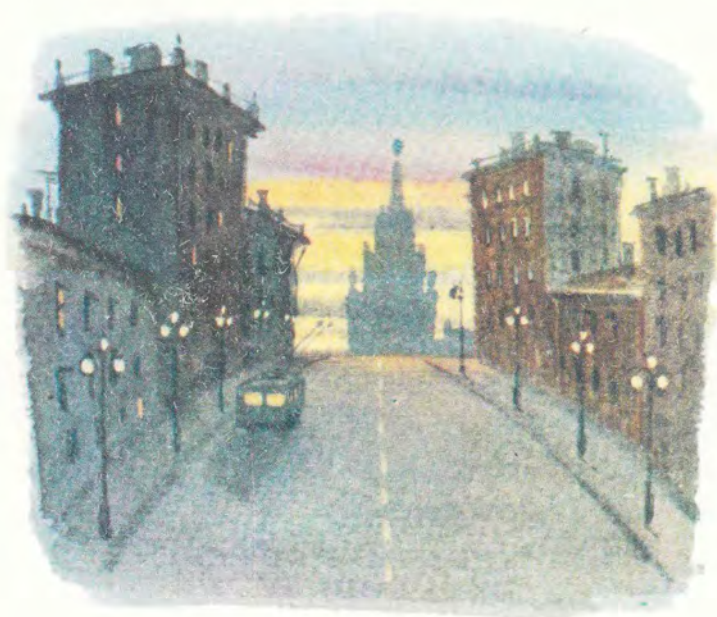
Вокруг сигналов огоньки,
Автобусы, грузовики,
Трамваи, пешеходы...
В Москве дороги широки,
Но сколько в ней народу!
Водитель за рулём сидит —
Внимательно за всем следит.

Он должен слушаться в пути
Сигналов светофора,
Не слишком медленно ползти,
Не мчаться слишком скоро
И, день закончив трудовой,
В порядке сдать троллейбус свой.

Спали взрослые и дети,
Вся Москва ещё спала,
А уж мама на рассвете
В парк троллейбусный пошла.
Там троллейбус ждёт стоит,
Он проверен и помыт.

Весь к работе он готов —
От колёс до проводов!
С добрым утром, пассажиры,
С добрым утром, москвичи,
Новых строек, бригадиры,
И бойцы, и командиры,
Инженеры и врачи!
С добрым утром, с новым днём!
На работу, на работу
Всех сейчас мы отвезём!

МОЯ МАМА ПАХНЕТ ХЛЕБОМ

В детский сад пришли два новичка — Толя и Коля. Их привели мамы.

Мальчики познакомились. Толя спросил Колю:
— Где работает твоя мама?

— А разве ты не догадался? — удивился Коля. — Она же так пахнет лекарствами. Моя мама врач. Заболеет человек — мама вылечит. А твоя мама где работает?

— А ты не знаешь? — сказал Толя. — Она же так пахнет хлебом. Моя мама пекарь. Она кормит людей. Без хлеба не мог бы жить никто.

— И врач? — спросил Коля.

— И врач, — ответил Толя.

А ЧТО У ВАС?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

— А у меня в кармане гвоздь.

А у вас?

— А у нас сегодня гость.

А у вас?

— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.

Котята выросли немножко,
А есть из блюда не хотят.

— А у нас на кухне газ.
А у вас?

— А у нас водопровод.
Вот.

— А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

— Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

— А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привёз дрова —
Это два.
А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
— Мама — лётчик?
Что ж такого!

Вот у Коли, например,
Мама — милиционер.
А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры.

А у Лёвы мама — повар.
Мама — лётчик?
Что ж такого!

— Всех важней, — сказала Ната, —
Мама вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
— Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну, конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты —
Это очень хорошо.

Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны.
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

ПРО ЮЛИНУ МАМУ

Юлина мама ткачиха. Юля знает, что делают ткачихи. Они на станках ткут из ниток материю.

Бывает, дожидаясь маму, Юля заскучает. Чтобы легче было ждать, берёт свой фартучек или какой лоскуток и разглядывает на них мамину работу. Ниточки переплетены плотно-плотно. Сколько же их, тоненьких? Тысяча вдоль! Тысяча поперёк!

Однажды мама пришла с работы с цветами. Цветы ей подарили на фабрике. Мама за пять лет выполнила две пятилетки — соткала столько материи, сколько полагается соткать за десять лет.

Пришёл с работы папа. Обнял маму, похвалил:
— Молодец ты у нас!

А потом взял Юлю на руки и весело так говорит:
— Теперь наша мама может не ходить на фабрику целых пять лет. Будет пять лет с дочкой играть.

Обрадовалась Юля. Вспомнила, как в выходной гуляли в парке. Мама с папой идут, а Юля бегом бежит. Убежит далеко вперёд и отдыхает на травке — пока не подойдут родители. Она себе отдых

быстротой заработала. Теперь вот и у мамы на фабрике получилось, как у Юли в парке.

Только где же это видано, где это слыхано, чтобы человек столько времени без работы был! Засомневалась Юля: «Не пошутил ли папа?»

А мама папе отвечает:

— С такой дочкой я всю жизнь играла бы. Но видишь, платице-то коротковато ей стало. Новое нужно. И не ей одной, а всем девчонкам. Очень уж быстро дети растут.

Да, пошутил папа. Поняла это Юля. Но всё же хотелось, чтобы мама дома осталась:

— Мы, мамочка, тише будем расти,—пообещала Юля.

Пообещала это и сама засмеялась. Совсем не-серьёзное обещание. Человек может быстро или медленно работать. Может скоро или тихо ходить. А растёт человек так, как ему растётся.

Г. ЛАДОНЩИКОВ

ЗВЁЗДОЧКА

Маму видит вся столица.
Мама строит новый дом,
Да такой,
Что поселиться
Полрайона может в нём!

Дом заметно вырастает
Каждый день
И каждый час.
Будто небо подпирает
Металлический каркас.

И над самой верхней
балкой,
Где подъёмный кран стоит,
Огонёк электросварки
Яркой звёздочкой горит.

Это мама —
Сварщик смелый —
Держит звёздочку
В руках.
А над нею
Стайкой белой
Проплывают облака.

ПОСИДИМ В ТИШИНЕ

Мама спит, она устала...
Ну, и я играть не стала!
Я волчка не завожу,
А уселась и сижу.

Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой,
А по маминой подушке
Луч крадётся золотой.

И сказала я лучу:
— Я тоже двигаться хочу.

Я бы многого хотела:
Вслух читать и мяч катать,
Я бы песенку пропела,
Я б могла похохотать...

Да мало ль я чего хочу!
Но мама спит, и я молчу.

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул по мне.
«Ничего,—шепнул он будто,—
Посидим и в тишине!»

ХЛЕБ ИЗ ДЖУГАРЫ

Жил-был бедный парень. Кроме матери, не было у него никакой родни — ни братьев, ни сестёр. Батрачил он у бая. Работал день и ночь, но бай денег ему не платил и кормил хуже собаки.

Вот мать говорит сыну:

— Бай тебя морит голодом. Оставайся уж лучше дома. Ходи в горы за дровами. Дрова я буду продавать беднякам. Денег у них мало, но прокормиться мы сможем.

— Будь по-твоему, — сказал парень.

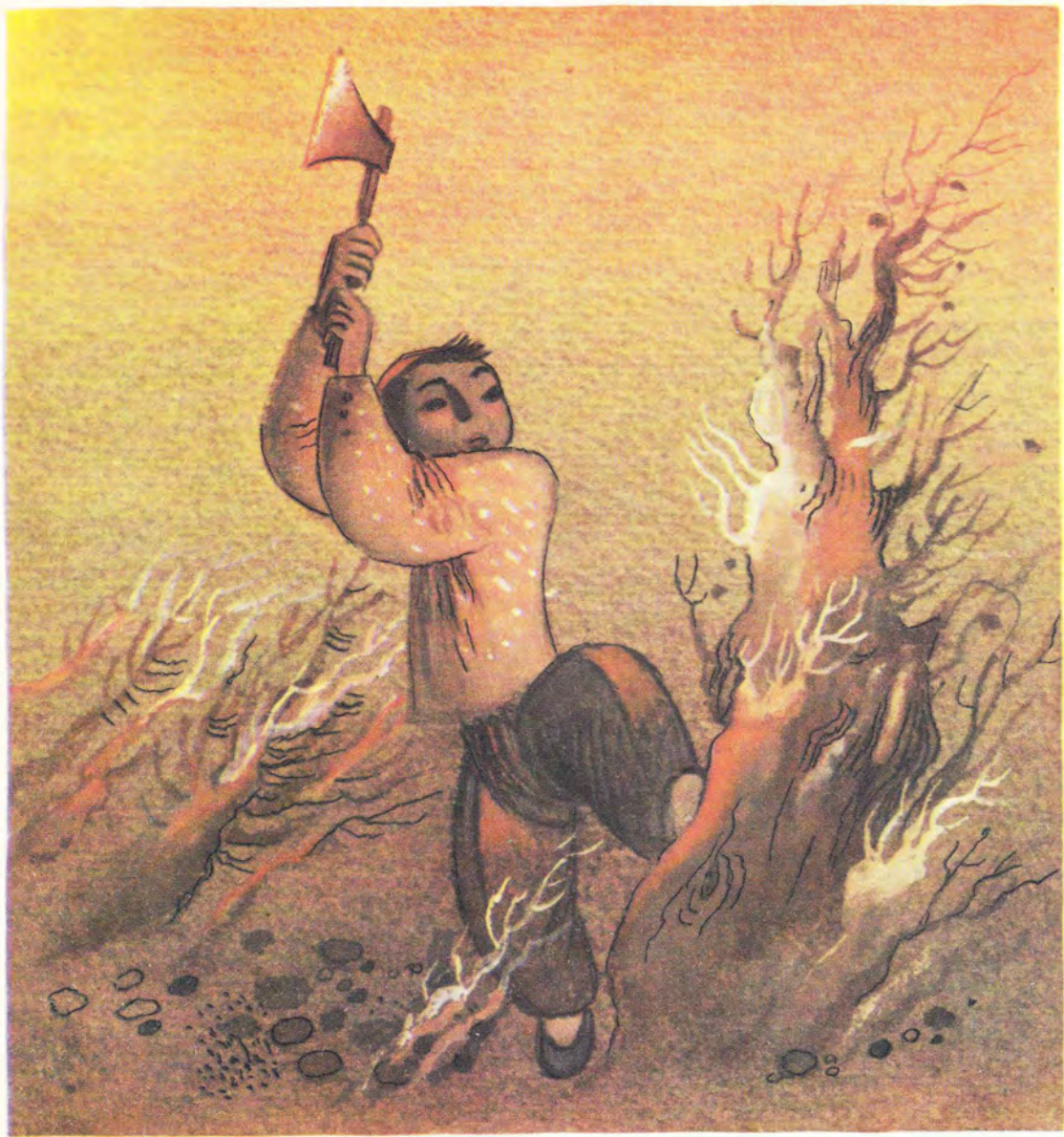
Наутро встал он до солнышка, взял верёвку, топор, попрощался с матерью до вечера.

— Сын мой, — сказала она ему, — возьми этот хлеб из джугары. Больше у нас ничего нет. Но не ешь его, пока он не превратится в мёд.

Завернул парень хлеб в платок, сунул за пазуху и пошёл своей дорогой.

До полудня работал, спины не разгибая. Устал. В животе пусто, с вечера ни крошки не было. Достал парень узелок, развернул, видит: как был хлеб из джугары, так и остался хлебом, далеко ему до мёда.

Хоть и хотелось есть, да не хотелось матушкин завет нарушить.

Спрятал парень хлеб на грудь и принялся за дело. Махал топором, пока в глазах не потемнело.

— Ну теперь-то уж хлеб наверняка стал мёдом,— сказал он себе и опять развернул узелок.

Смотрит, а хлеб как был хлебом, так и остался. Загрустил парень:

— Обманула меня матушка.

И стал он есть хлеб. Откусил кусок, а во рту слаще мёду.

Устыдился парень:

— Прости меня, матушка, за грубое слово. Сладок хлеб! Как мёд сладок!

В. ЛЕДКОВ

МАМИНА ПЕСНЯ

Над кроваткой Ламдоко
Мама песенку поёт:
— Снится кошке молоко,
А сынишке — вертолёт.
Хэй! Летит вертолёт.
Хов! Бегут олени.
Мой сынишка — пилот
В новом лётном шлеме.
Хэй! Над чумом повис,
Лесенку спускает,
И по лесенке вниз
Мой сынок сбегает.
— Здравствуй,
Милый Ламдоко!
Где летал ты?
— Далеко.
— Что ты делал?
— Рыбакам
Вывез к морю сети.
Прочитал я пастухам
Новости в газете
И в посёлок Нельмин Нос
В первый класс
Ребят отвёз.

С тёплым ветром
прилетает
мамин день

Международный женский день 8 Марта отмечают в первый месяц весны, когда солнце начинает пригревать землю, на лесных проталинах расцветают подснежники и прилетают грачи. «Мамин праздник» — называют его дети. Этот день празднуют в семье, в школе, в колхозах, на фабриках и заводах.

Только не всегда этот день был праздником. Было время, когда день 8 марта был ничем не приметным, обычным днём в тяжёлой жизни работниц и крестьянок. И прежде чем стать праздником, этот день был днём борьбы.

... В 1910 году в городе Копенгагене, столице Дании, собрались женщины-революционерки из разных стран. На трибуну поднялась уже седая женщина с чёрными живыми глазами — Клара Цеткин. Говорила она страстно и убеждённо. Рассказала она и о женщинах России, о том, как они сражались вместе с мужчинами на баррикадах революции 1905 года и показали, какими стойкими бойцами могут быть. «Я вношу предложе-

ние,—сказала Клара Цеткин,—ежегодно проводить Международный женский день как день борьбы за права женщин».

...Уже на следующий год женщинам некоторых стран удалось отметить день 8 Марта. Они собирались на митинги и выходили на демонстрации.

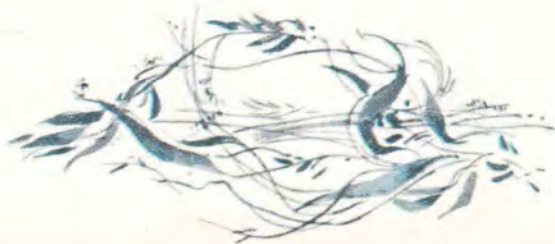
В одном австрийском городе на демонстрацию вышло несколько тысяч человек. Полиция решила отнять знамя, которое несли женщины. Но это ей не удалось. Женщины вступили в рукопашную схватку с полицейскими и знамя отстояли.

В Октябре 1917 года в нашей стране совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Работницы и крестьянки стали полноправными гражданами первого в мире государства трудящихся.

Наш закон, по выражению Владимира Ильича Ленина, первый раз в истории вычеркнул всё то, что делало женщин бесправными.

Вот почему с той поры в нашей стране день 8 Марта — радостный и торжественный праздник.

Г. Карпенко

В. БЕРЕСТОВ

ПРАЗДНИК МАМ

Восьмое Марта, праздник мам,
Тук-тук! — стучится в двери к нам.
Он только в тот приходит дом,
Где помогают маме.
Мы пол для мамы подметём,
На стол накроем сами.
Мы сварим для неё обед,
Мы с ней споем, станцуем.
Мы красками её портрет
В подарок нарисуем.
— Их не узнать! Вот это да! —
Тут мама скажет людям.
А мы всегда,
А мы всегда,
Всегда такими будем!

КАК ГУГУЦЭ НАУЧИЛ МАМУ ЕЗДИТЬ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

— **М**ама,—ни с того ни с сего спрашивает Гугуцэ,—я твой сын или не твой?

— Не заболел ли ты, сынок?—бледнеет мать и прикладывает ладонь ко лбу Гугуцэ.

— Ну, раз я твой сын, то давай я научу тебя ездить на велосипеде!

У матери отлегло от сердца. Но тут она вспомнила, что у велосипеда только два колеса, а не четыре, как у грузовика, который водит отец. И она перевела разговор на другое.

— Только велосипеда мне сейчас не хватает! Забыл, что ли? Вот-вот вернётся наша ласточка из тёплых стран, а я ещё не все стены в сарае починила. Вдруг ласточке не захочется больше лепить в нём своё гнездо? Если ты и вправду хозяйкин сын, то встал бы пораньше, походил бы с ведром, сам знаешь где, и принёс бы мне конских яблок, а то глину не с чем замешивать, чтобы стены чинить.

Гугуцэ притащил не одно, а целых три ведра. Напрасно хозяйки, тоже вставшие чуть свет, ходили по всем дорогам вдоль и поперёк.

— Этот плут, вы подумайте, с вечера привязал к лошадиным хвостам пустые торбы, а утром отнёс домой полные: «Вот, мама, как я с делом управился!»

Мать Гугуцэ тоже хороша! Мы к ней по-соседски, с мешками, пусть поделится, лошади-то общественные. А она и говорит:

— Хотите, я вам осенью дам яблок с деревьев? А эти не трогайте! Из тёплых стран ласточка прилетит, а сарай ещё не в порядке!

Гугуцэ месил глину ногами, таскал её в сарай, мать нахвалиться им не могла. А он нет-нет, да и намекнёт насчёт подарка.

«Гугуцэ своего не упустит»,— вздыхает мать. Но что делать, хорош ли, плох ли, это её сын.

Кончив работу, мать моет руки и спрашивает:

— Ну, глазастый, теперь говори, что тебе купить?

У Гугуцэ нос в глине:

— Можно, я сам тебе что-то подарю?

Мать так прижала его к груди, что стёрла всю глину с носа.

— Можно! Можно!

— Давай я научу тебя знаешь чему? Ездить на

велосипеде! Пусть это будет моим подарком.

— А люди что скажут, сынок? — отговаривается мать.

— Я и тётю Женю научу. Будете вместе ездить.

Идея понравилась. Мама почти согласна. И вдруг она снова вспоминает, что у велосипеда только два колеса:

— Выставишь и её и меня на посмешище! Моё ли дело — велосипед? Сам подумай и не раздражай меня больше!

«Не иначе как мама струсил», — приуныл Гугуцэ.

С тех пор сердце у него было не на месте — ведь он плохо подумал про свою маму. И когда стало совсем невыносимо, Гугуцэ подошёл к ней:

— Побей меня, мама! Я самый плохой из сыновей!

Мать глядит на Гугуцэ, не знает, что и думать.

— Отлупи меня, мама! — просил он её на коленях.

Но мать и пальцем его не тронула.

Тогда он разбил один стакан, другой, потом тарелку. Опять мама его не тронула. Гугуцэ заревел, пулей вылетел из дома, заперся в сарае, где уже хозяйничала ласточка, и плакал так, что рубашка плавала в слезах. Ласточка смотрела на него круглыми глазами.

— Моя мама — тру-си-ха! — жаловался ласточке Гугуцэ.

С того дня он ни разу не улыбнулся. Видит мать, с мальчиком что-то неладное творится, но ведь из него клещами слова не вытянешь.

И тут произошло вот что. Была в Трёх Козлятах ужасно бодливая корова. Она столько дел успела натворить, что хозяин надевал ей на рога рукава телогрейки и завязывал их. Эта самая корова шла вечером с поля, увидела женщину и бросилась на неё. Прижала к забору, голову наклонила, рог из рукава выскочил, сейчас проткнёт насквозь. У бедняжки язык отнялся, побелела вся как полотно. Здоровенный мужик в соседнем дворе так и застыл разинув рот. И только мама Гугуцэ примчалась как была, с распущенными волосами и, размахивая — чем бы вы думали? — кукурузным стеблем, прогнала корову.

У мальчика с души камень свалился. Хоть лезь на крышу и кричи оттуда во всё горло:

«А ну, кто посмеет сказать, что у меня мама трусиха? Ильяна-Косынзяна тоже не ездила на велосипеде, а за неё Фэт-Фрумос в сказке с тремя драконами дрался. Ох и лупил же он их своей богатырской палицей!»

Гугуцэ не из тех, кто пускает свой корабль по воле волн.

«Стоп! — сообразил он. — Теперь, если маму увидят на велосипеде, никто в селе не станет смеяться. Ну, Гугуцэ, пришло твоё времечко, не будь вороной!»

Пока мамы не было дома, Гугуцэ хорошенько накачал шины у велосипеда, поднял седло, вытащил из дома подушки, одеяла, половики, пальто, шапки, мешок с шерстью и раскидал всё это по обе стороны дорожки. Мать пришла и за голову схватилась:

— Что тут произошло? Или у меня что-то с глазами? Кто же это так надругался над нашим домом?

— Я всё вытащил, мама. Упадёшь с велосипеда — руку не сломаешь.

— Ну что мне с тобой делать? Да к тому же, все соседи дома.

— Сейчас, мамочка, никого кругом не останется, одни мы с тобой, — пустился в пляс Гугуцэ и бегом со двора. — Надевай пока папины штаны!

— Тётя Олика-а-а! — кричит Гугуцэ у ворот.

Выходит женщина, руки у неё в тесте.

— У вас багор дедушки Антона? Очень просил мигом его вернуть. А то он ещё утром ведро в колодец уронил, достать нечем.

— Говорила же я своим: взяли вещь у человека, верните её. С какими глазами в другой раз переступишь его порог? Спасибо, Гугуцэ, испеку тебе колобок с маком.

— Бабка Аника-а-а! — перепрыгивает Гугуцэ через забор.

— Чего тебе, Гугуцэ? — выглядывает соседка из погреба.

— Ваш телёнок что-то размычался на лугу!

— Ой, горе мне! — Женщина хватается за голову. — До сих пор его не напоила! Нарочно ведро поставила среди двора, чтобы не забыть. Расти большой, умница!

— Тётя Лида-а-а! — Гугуцэ уже в третьем дворе. — Дядя Захария сказал, что обедать не придёт: дышло сломалось! Отнесите ему обед в поле. Хлеб просил завернуть в полотенце, на каком вы вчера бабочку вышили.

Две соседки убежали, одной вообще дома не было, но тётя Лида, не зря у неё нос с аршин, что-то учуяла. Сделала вид, что вышла за калитку, а сама пригнулась ниже забора, вернулась на цыпочках и спряталась за курятником. Если кто и заметит, то ничего особенного: щупает женщина кур, не собираются ли нестись.

Гугуцэ вертелся около велосипеда, объяснял маме всё до мелочей с таким видом, точно был по меньшей мере авиаконструктором. Мама слушать-то слушала, а сама всё поглядывала в сторону сарая. Дождалась, пока ласточка улетела, и только тогда села на велосипед.

Но как ни старалась мама, а всё падала на голую землю. Гугуцэ перетаскивал туда какой-нибудь половик, бежал за велосипедом с подушкой в руках. А мама уже падала, то в грядку с луком, то в корытце, но даже не охала. Встанет — и опять на велосипед.

Отец, вернувшись, не мог въехать во двор. Грузовик пришлось оставить у ворот. Отцу понравилась новая проделка Гугуцэ — плохо ли, если ещё один человек в семье научится водить машину, для начала хотя бы двухколёсную. И вот папа надел передник, сам себе приготовил ужин, сам и приятного аппетита себе пожелал, потому что мать не слезала с велосипеда.

Соседка, словно наседка, всё время сидела за курятником. Как же удивилась мама, услышав, сколько раз она падала с велосипеда и в каком именно месте.

— Ваше счастье, кума, что вы в брюках были. А велосипед — вещь отменная. Не отстану от Захарии, пока и мне не купит.

Я. АКИМ

МАМА

Мама! Так тебя люблю,
Что не знаю прямо!
Я большому кораблю
Дам название «МАМА».

Г. ВИЕРУ

СКАЖИ

СКАЖИ, ТРАВА:
А у тебя есть мама?
Тогда о первой самой
Подумаешь о ней,
Лишь станешь зеленей.

СКАЖИ, ЦВЕТОК:
А у тебя есть мама?
Тогда о первой самой
Подумаешь о ней,
Раскрывшись средь полей.

СКАЖИ, ЗВЕЗДА:
А у тебя есть мама?
Тогда о первой самой
Подумаешь о ней,
Сверкнув во тьме ночей.

ЧТО СКАЗАЛА БЫ МАМА?

Гринька и Федя собрались на луг за щавелем. И Ваня пошёл с ними.

— Ступай, ступай,— сказала бабушка,— наберёшь щавелью—зелёные щи сварим.

Весело было на лугу. Траву ещё не скосили. Кругом далеко-далеко пестрели цветы—и красные, и синие, и белые. Весь луг был в цветах.

Ребятишки разбрелись по лугу и стали рвать щавель. Всё дальше и дальше уходили они по высокой траве, по весёлым цветам.

Вдруг Федя сказал:

— Что-то здесь пчёл много!

— Правда, здесь пчёл много,— сказал и Ваня.— Всё время гудят.

— Эй, ребята,— закричал издали Гринька,— поворачивай обратно! Мы на пчельник забрели—вон ульи стоят!

Вокруг колхозного пчельника густо росли липы и акации. А сквозь ветки были видны маленькие пчелиные домики.

— Ребята, отступай! — скомандовал Гринька. — Только тихо, руками не махать, а то пчёлы закусуют.

Ребятишки осторожно пошли от пчельника. Они шагали тихо и руками не махали, чтобы не сердить пчёл. И совсем было ушли от пчёл, но тут Ваня услышал, что кто-то плачет. Он оглянулся на товарищей, но Федя не плакал и Гринька не плакал, а плакал маленький Васятка, сын пчеловода. Он забрёл на пчельник и стоял среди ульев, а пчёлы так и налетали на него.

— Ребята, — крикнул Ваня, — Васятку пчёлы закусали!

— А что, нам за ним на пчельник идти? — ответил Гринька. — Нас и самих пчёлы закусуют.

— Надо его отца позвать, — сказал Федя. — Вот пойдём мимо их дома — его отцу скажем.

И оба пошли дальше.

А Ваня вернулся и пошёл прямо на пчельник.

— Иди сюда! — крикнул он Васятке.

Но Васятка не слышал. Он отмахивался от пчёл и кричал во весь голос.

Ваня подошёл к Васятке, взял его за руку и повёл с пчельника. До самого дома довёл.

Васяткина мать выбежала на крыльцо, взяла Васятку на руки:

— Ах ты непослушный, зачем на пчельник хо-

дил? Вон как пчёлы искушали! — Посмотрела на Ваню: — Ах, батюшки, Ванёк, — сказала она, — и тебе от пчёл досталось из-за Васятки! Ну, да ничего, ты не бойся: поболит — перестанет!

— Мне ничего, — сказал Ваня.

И пошёл домой. Пока шёл, у него распухла губа, и веко распухло, и глаз закрылся.

— Ну и хорош! — сказала бабушка. — Это кто же тебя так разукрасил?

— Пчёлы, — ответил Ваня.

— А почему же Гриньку и Федю пчёлы не тронули?

— Они убежали, а я Васятку вёл, — сказал Ваня. — А что ж такого? Поболит — перестанет.

Отец пришёл с поля обедать, посмотрел на Ваню и рассмеялся.

— Федя с Гринькой от пчёл убежали, — сказала бабушка, — а наш простофиля полез Васятку спасать. Вот бы мама сейчас его увидела — что бы она сказала?

Ваня глядел на отца одним глазом и ждал: что сказала бы мама?

А отец улыбнулся и похлопал Ваню по плечу:

— Она бы сказала: молодец у меня сынок! Вот бы что она сказала!

ГОСТИ

В детском саду
Суматоха и шум:
— Скоро начнётся!
— Где мой костюм?
— Витя и Женя,
Дайте флажки!..
Шёпот,
 движение,
Споры,
 смешки.

Что же за праздник
Готовится тут?
Видно, почётные
Гости придут!

Может, придут генералы?
Нет!
Может, придут адмиралы?
Нет!
Может, герой,
 облетевший весь свет?
Нет,
 нет,
 нет!

Гадать понапрасну бросьте,
Смотрите, вот они — гости.
Почётные, важные самые:
— Здравствуйте, мамы!

Е. БЛАГИНИНА

ОГОНЁК

Хрустит за окошком
Морозный денёк.
Стоит на окошке
Цветок-огонёк.

Малиновым цветом
Цветут лепестки,
Как будто и вправду
Зажглись огоньки.

Его поливаю,
Его берегу,
Его подарить
Никому не могу!

Уж очень он ярок,
Уж очень хорош,
Уж очень на мамину
Сказку похож!

Е. БЛАГИНИНА

МАМИН ДЕНЬ

Всё хожу, всё думаю, смотрю:
«Что ж я завтра маме подарю?
Может, куклу? Может быть, конфет?»

Нет!

Вот тебе, родная, в твой денёк
Аленький цветочек-огонёк!

3. АЛЕКСАНДРОВА

НЕВИДИМКА

Вот какие чудеса —
Невидимка завелся!

То котёнка он обидит,
То сорвёт бутон цветка...

Но никто нигде не видит
Этого озорника.

Он галоши в печку спрятал —
Разве сразу их найдёшь!
И, на зависть всем ребятам,
По сырым дорожкам сада
Митя бегал без галош.

Это он чернила делал,
Натворив на кухне бед.
Мама сразу разглядела
В уголке клеёнки белой
Голубых ладошек след.

Говорит тихонько Митя:
— Нет, вы только посмотрите!

Вот бумажки от конфет —
Кто-то лазил в наш буфет!

Видишь, мама, нарисован
Мелом страшный крокодил.
Значит, к нам сегодня снова
Невидимка приходил?

Мама сыну отвечает:
— Что ж он всё озорничает?
Взял чернильный карандаш,
Воду выпустил из ванны...
Знаешь, он какой-то странный,
Невоспитанный, не наш...

Он цветы в саду ломает
И рисует на стене...
Разве он не понимает,
Что с Танюшкой трудно мне?

Говорит сынишка маме:
— Не брани его сейчас!
Невидимка рядом с нами —
Он, наверно, слышит нас...
Может быть, он сам не прочь
Чем-нибудь тебе помочь!

День проходит, два проходят,
Невидимка вдруг притих...
Но не он ли в огороде
Поработал за двоих?
Он полон салат и лук,
Всю крапиву смял вокруг!

Таня хлопает в ладоши:
— Невидимка добрый стал!
Мама, он теперь хороший,
Он мне вишенок достал...
Прибежал сегодня Митя,
Сел, довольный, за еду:
— Невидимка-то, глядите,
Полил нам цветы в саду!
Возле бочки у воды
Видел я его следы...

А пока Танюшку мама
В ясли за руку вела,
Невидимка тот же самый
Взял посуду со стола,
Вымыл чашки, котелок,
Вилки вычистить помог...

Боты вымыты сестрёнке,
Смотана для мамы шерсть...

Митя спрашивает звонко:
— Невидимке дело есть?
Если хочешь, с ним вдвоём
Мелких щепок наберём...

Мама улыбнулась Мите:
— Отдохни, сынок, пока.
С Невидимкой посидите
И поешьте пирожка...
Отнеси ему пирог —
Хорошо он нам помог!

АУ

Старшая сестра учила младшую читать. Оленька выучила все буквы, а читать не может, не получается. Никак не складываются буквы вместе.

В книге написано: «АУ».

— Что тут написано, Оленька?
— Не знаю.
— Это какая буква?
— А.
— Молодец! А эта?
— У.
— А вместе?
— Не знаю.
— Ну, как же не знаешь?! Эта А, а эта У. А если их сложить, что получится?
— Не знаю.
— А ты подумай.
— Я думаю.
— Ну и что?
— Не знаю.
— Ну вот что,— сказала старшая сестра.— Представь, что ты заблудилась в лесу. Как ты тогда станешь кричать?

Оленька подумала и говорит:
— Если я в лесу заблужусь, я буду кричать:
«Мама!»

П. ВОРОНЬКО

* * *

Баю, мальчишечка,
Спи!
Спит и зайчишка
В степи.

Спят-засыпают
Волы,
Спят, не летают
Орлы.

Спят небеса
И земля —
Наши леса
И поля.

Лишь твой отец
На посту:

Смотрит боец
В темноту.

Недруг метнулся
Назад...
Что ты проснулся?
То сад

Плещет прохладной
Листвой,
Спи, ненаглядный
Мой!

*Родина любимая -
словно
мать родимая*

В большой стране у каждого человека есть свой маленький уголок — деревня, улица, дом, где он родился. Это его маленькая родина, а из множества таких маленьких уголков и состоит наша общая, великая Родина.

...А где родился ты?

Может быть, ты родился на севере, где зимой не бывает дня, а летом не бывает ночи? Деревья у твоего дома маленькие, карликовые — сосны и берёзки ненамного выше тебя. Зато над твоим родным краем загораются сказочные огни полярного сияния — словно тысячи лампочек, красных, синих, жёлтых, сияют в небе. А то, что холодно, не беда: на тебе кухлянка — шуба из оленьего меха, а на ногах тёплые торбаса.

Может быть, ты родился на юге, на берегу маленькой бурной речки, которая начинается в горах и впадает в море, и дом твой, хотя и одноэтажный, но выше моего городского, потому что стоит он на высокой горе? И возле твоего дома

вьётся виноград, и на деревьях зреют инжир и мандарины.

А может быть, ты родился на востоке, на берегу океана? Океан называют Тихим. Но на самом деле он не тихий. В океане бывают такие штормы, что берег гудит от грохота тяжёлых волн. А твой дом смотрит на тайгу, где водятся даже тигры. Самые настоящие, рыжие в тёмную полоску, с белыми упругими усами. А я видел тигра только в зоологическом саду.

Но всё равно, где бы ты ни родился, вся наша большая страна принадлежит тебе. И мы с гордостью говорим:

— Эта страна — твоя и моя Родина!

Родина начинается на пороге твоего дома. Она огромна и прекрасна. И у каждого она одна. Как мама.

Мы любим Родину. А она гордится своими сыновьями и дочерьми, заботится о них, приходит на помощь, придаёт силы.

Ю. Яковлев

ДЕТИ КУЗНЕЦА

В войну осиротело много детей. У них не было родителей. Отцы погибли на фронте, матери погибли во время фашистских бомбёжек.

Детей-сирот увозили из краёв, где шли бои, в края, где была спокойная жизнь.

Узбек Шаахмет Шамахмудов и его жена Бахри жили в Ташкенте. У них был небольшой домик и сад. Шаахмет работал кузнецом. Бахри ухаживала за домом и садом. Каждый день они слушали по радио сообщения с фронта. Но однажды услышали:

«В Ташкент прибыли два поезда с детьми-сиротами. Детские дома переполнены. Нужна помощь жителей города. Кто хочет, тот может взять ребёнка в свою семью».

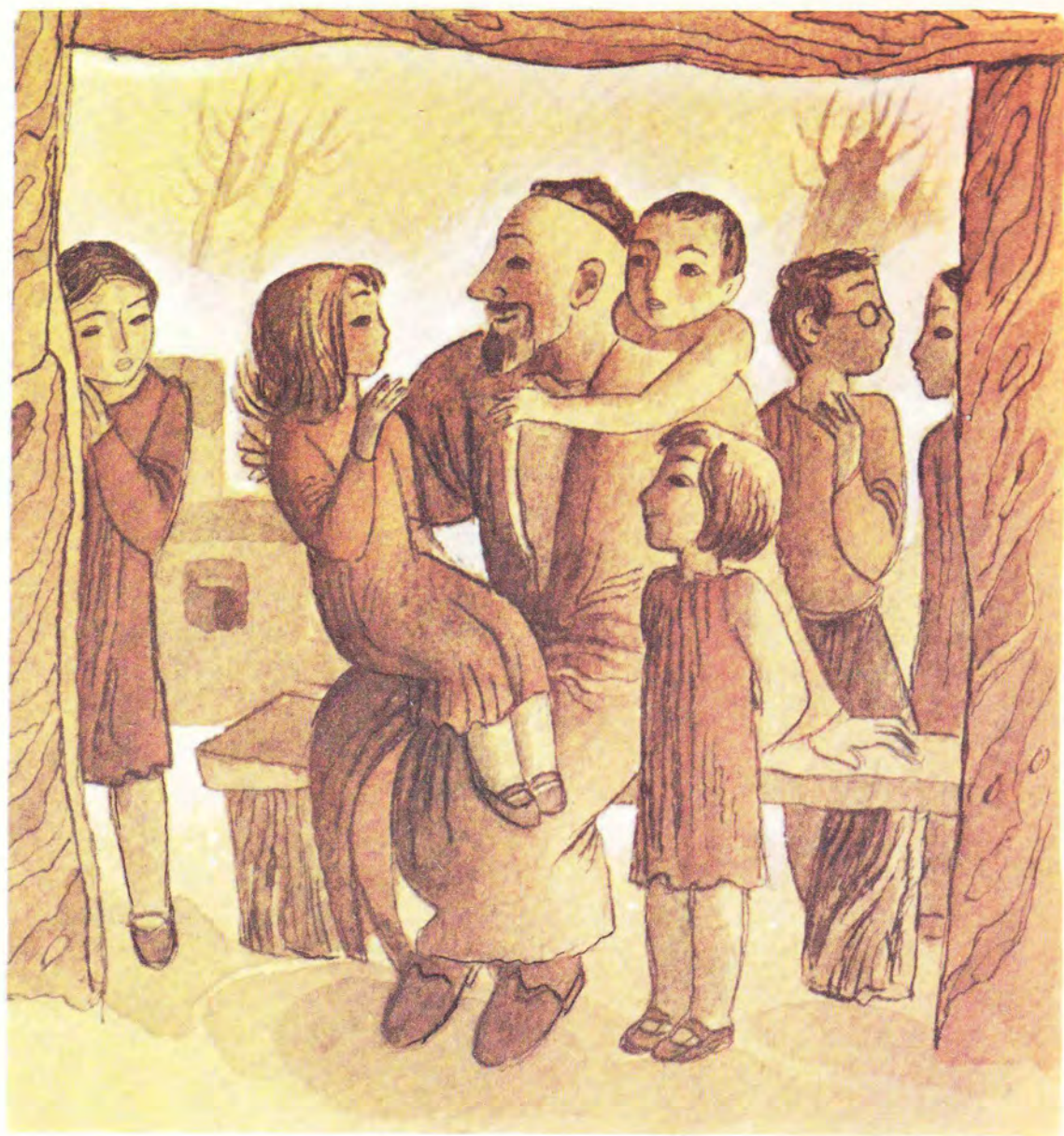
— Надо помогать,— сказал Шаахмет.— Я пойду.

— Иди, иди,— согласилась Бахри.

На вокзале у длинной вереницы вагонов уже собрались люди. Все брали ребятешек. Они были слабецкие и испуганные.

— Дайте мне самого маленького,— попросил Шаахмет.

Домой кузнец вернулся с мальчиком, которому и

полгода не исполнилось. Имени ребёнка никто не знал. Новые отец и мать дали ему узбекское имя Нигмат.

— Что ж мы взяли одного? Возьмём ещё,— сказала Бахри мужу.

Шаахмет пошёл и принёс двухлетнего Адика. Второму приёмному сыну дали тоже узбекское имя—Рахмат.

— Вот и хорошо!—радовалась Бахри.—Сыночкам теперь не будет скучно. Вдвоём веселее.

— Когда я брал Адика, ко мне подбежал ещё мальчик. Ему тоже хотелось идти со мной,—рассказывал муж жене.—Давай возьмём и его. Он постарше, будет присматривать за маленькими.

Шаахмет шёл домой, за его большие руки держались два мальчика—Федя Кульчаковский и Миша Ярулин.

— Они оказались товарищами,—объяснил Шаахмет жене.—Нельзя было разлучить их.

А война продолжалась. В Ташкент всё приходили поезда с сиротами. И семья кузнеца увеличивалась. Стало в ней четырнадцать детей: сначала одни мальчики, потом появились и девочки. Узбеки, русские, украинец, молдаванка, казашка, татарин, еврей—стали детьми Шаахмета и Бахри.

Каждый был любим и обласкан папой Шаахметом и мамой Бахри.

А. БАРТО

ЗВЕНИГОРОД

ТРИДЦАТЬ БРАТЬЕВ И СЕСТЁР

Летом весь Звенигород
Полон птичьим свистом.
Там синицы прыгают
По садам тенистым.

Там дома со ставнями
На горе поставлены,
Лавочка под клёнами,
Новый дом с балконами.

Новый, двухэтажный
На пригорке дом,
Тридцать юных граждан
Проживают в нём.

На реке с восьми часов
Затевают игры,
И от звонких голосов
Весь звенит Звенигород.

Вдалеке зелёный бор
Виден в окна спальни...
Тридцать братьев и сестёр
В лес уходят дальний.

Хорошо в лесу густом!
Отдыхай под ёлкой,
Под ореховым кустом
Ты орешки щёлкай.

А зимой катайся с гор
И у печки грейся.
Тридцать братьев
и сестёр —
Шумное семейство.

* * *

Дети требуют забот,
Ведь на то и дети.
Анна Павловна встаёт
Рано, на рассвете.

Тишиной наполнен сад,
И, как будто в сказке,
Три медведя мирно спят
На пустой терраске.

Беготни пока тут нет,
Непривычно тихо,
Но приходит на совет
Настя, повариха.

Сарафаны принесла
Тётя Шура, прачка.
Начинаются дела,
И пойдёт горячка.

Дети встанут, прибегут,
Сто вопросов зададут,
Тысячу вопросов:

- Сколько лет слоны живут?
- Кто был Ломоносов?
- Где течёт река Нева?
- А когда же спит сова?

Лейки выстроятся в ряд,
Садоводы мчатся в сад —
Пусть работают в саду,
Приучаются к труду!

Дети требуют забот,
Ведь на то и дети.
Анна Павловна встаёт
Рано, на рассвете.

Видит всех она насквозь...
Вдруг подходит к Ване,
Говорит:
— Лягушку брось,
Не держи в кармане!

А кто болен, кто здоров,
Узнаёт без докторов.

Что же это за семья?
Дочки тут и сыновья...

Здесь со всех концов страны
Собраны ребята:
В этот дом их в дни войны
Привезли когда-то...

После чуть не целый год,
Дети рисовали
Сбитый чёрный самолёт,
Дом среди развалин.

Вдруг настанет тишина,
Что-то вспомнят дети...
И, как взрослый, у окна
Вдруг притихнет Петя.

До сих пор он помнит мать...
Это только Лёлька
Не умеет вспоминать —
Ей три года только.

У Никиты нет отца,
Мать его убита.
Подобрали два бойца
У сожжённого крыльца
Мальчика Никиту.

Был у Клавы старший брат,
Лейтенант кудрявый,
Вот на карточке он снят
С годовалой Клавой.
Защищал он Сталинград,
Дрался под Полтавой.

Дети воинов, бойцов
В этом детском доме.
Здесь портреты их отцов,
Карточки в альбоме.

Вот какая тут семья —
Дочки тут и сыновья.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Открыты окна... Яркий свет...
Птичьи голоса...
Сегодня Пете десять лет —
Петя родился!

Наконец оно пришло,
Первое июня.
Всё запело, расцвело —
Дождь был накануне.

На лужайке, где сирень,
Длинный стол поставлен в тень.
У детей волнение:
Не простой сегодня день —
Петино рождение!

— Чудеса! — кричит Серёжа. —
И моё рождение тоже!
И Никита родился!
Это просто чудеса!

Дети встали на заре,
Лает Тимка во дворе,
Праздник! Всё готово!
Тридцать братьев и сестёр
Не справляли до сих пор
Праздника такого.

Пять нарядных мальчиков!
Сёстры в сарафанчиках!
Что за наваждение?
Чей же день рождения?
Целая бригада!
Всех поздравить надо!

Анна Павловна внесла
Это предложение:

— Будем первого числа
Праздновать рождение.

Пригласим сюда гостей,
Пусть приедут к детям.
Вот и мы в семье своей
Этот день отметим.

Кто в июне родился,
Празднуйте все вместе.
Шумный праздник начался
В молодом семействе!

Наконец оно пришло,
Это первое число!

* * *

Вдруг какие-то ребята
Друг за другом входят в сад,
Говорят: — Мы делегаты,
Поздравляем, — говорят, —

Мы из школы номер восемь,
Там, где верба у крыльца.
Мы вам птицу преподносим —
Говорящего скворца.

Он любимыми голосами
Может петь и говорить,
Мы его учили сами,—
Вам решили подарить.

— Замечательная птица! —
Вся семья вокруг толпится.

Каждому на скворушку
Хочется взглянуть.
Пусть прочистит горлышко,
Скажет что-нибудь.

— Он стесняется, боится, —
Уверяет делегат, —
Говорить не может птица,
Если все кругом галдят.

Тридцать братьев и сестёр
Отошли от клетки,
Прекратили разговор,
Спрятались в беседке.

Всё равно молчит скворец.
— Пусть он скажет, наконец,
Хоть словечко только! —
Умоляет Лёлька.

Он освоился вполне,
Скачет в полной тишине.

Не свистит он, не поёт,
Он молчит и воду пьёт.

Защищают все скворца:
— Чужая обстановка!
Он болтал бы без конца,
Да ему неловко!

Скворцы — не попугаи,
Порода ведь другая!

А скворец всё не поёт,
Коноплю теперь клюёт.

Он не хочет говорить!
Надо клетку отворить!

Лёля для проверки
Распахнула дверки.

Скворец взглянул на Лёлю
И вылетел на волю.

На шляпку к тёте Насе
Скворец спокойно сел,
Потом он крикнул:

— Здравсте! —
Вспорхнул — и улетел.

— Ничего, он возвратится, —
Уверяет делегат.

— Замечательная птица! —
Все ребята говорят.

Нет нигде таких скворцов!
Он по веткам прыгает.
И от детских голосов,
Как от звона бубенцов,
Весь звенит Звенигород.

Новый, двухэтажный
На пригорке дом.
Тридцать юных граждан
Проживают в нём.

Замолчал Звенигород,
Дети спать легли,
Поезд, быстро двигаясь,
Прокричал вдали.

— Пассажирский,
 дальний! —
Петя говорит.

Где-то поезд простучал,
Лёлю укачал.

В огоньках Звенигород
Над Москвой-рекой.
Не село, не пригород —
Городок такой.

О ребёнке каждом
Думает страна.
Тридцать юных граждан
Заснули... Тишина.

А. МАТУТИС

ДЕТИ ВСЕГО МИРА

Мирной тропею по небу
Солнышко ходит —
Взгляни!
Друг дорогой,
Где бы ты ни был,
Руку ко мне протяни!
Ты мне скажи своё имя —
Буду с тобою знаком.
Землю,
Как мать,
Мы обнимем,
Руки, сплетая венком.
Я напишу тебе:
«Здравствуй!»

Ты мне ответишь:
«Привет!»
Вместе
Войне безобразной
Скажем решительно:
«Нет!»
Разом,
Согласно и дружно,
Детское слышится:
«Нет!»
Дети Земли
Безоружны,
Но дружба
Сильнее ракет!

СЧАСТЬЕ МАТЕРИ—В ЕЁ ДЕТЯХ

~~Многие женщины~~
~~Бориска~~
~~и~~
~~мне~~
~~отца~~
~~я бы~~
прожила долгую жизнь. Если бы у ~~меня~~ спросили, что такое счастье, ~~я бы~~ ответила — когда мать может гордиться своими детьми.

Детей у ~~меня~~ ~~АТ~~ четверо: Валентин, Зоя, Юра, Борис.

Старший, Валентин, ~~рано~~ ~~стал~~ ~~помогать~~ отцу плотничать. Помню, ~~чинят~~ ~~они~~ ~~крыльцо~~, а соседка ~~проходит мимо~~ и говорит ~~мне~~: «Молодец Валя, в отца пошёл — старательный».

Зоя помогала по хозяйству. Когда родился Юра, она его нянчила. Я в это время работала дояркой в колхозе. Зоя приносила Юру на ферму, чтобы я его покормила. Женщины, которые работали вместе со ~~мной~~ звали ~~меня~~: «Нюра, Нюра, твоя помощница пришла». А помощнице-то всего восемь лет!

Подросли Юра и Бориска, стали за скотиной ухаживать, воду носить, огород поливать.

Конечно, когда тебе ласковое слово скажут, легче работать. Но ~~мне~~ радостно, что дети ~~моя~~ помогали, не ожидая похвал. Придём ~~мы~~, бывало, с Алексеем Ивановичем после работы, а дом убран, печка протоплена, обед сварен. Детишки наши довольные

родители

сидят уже за столом, нас ждут. Как же на душе покойно станет! *Враги мои, свои*

Очень мы с мужем любили наших детей. Но и дети понимали, жалели нас, родителей.

Был однажды такой случай в конце войны. Пришли Бориска и Юра домой. *Видно* — лицо у Бориски всё чёрное, закоптелое, брови опалены.

— Самострелом баловались? — У меня даже сердце замерло: ведь глаза же могли выжечь.

Подошла *она* к Юре и сказала тихо-тихо:

— Нельзя! Пойми, нельзя!

А больше ни слова добавить не ~~могу~~^{можем}: горло перехватило, в глазах слёзы. Посмотрели на ~~меня~~^{на нас} мои младшие и, видно, всё поняли.

Больше они ни одного самострела не сделали.

Учились ~~мои~~ дети неплохо. Особенно Зоя и Юра.

Юра всегда отличником был. ^{Учился в самолётах}

Однажды ~~Юра~~^{Госде} уже в авиационном училище учился — пришло ~~дн~~^{АТ} письмо. Открыла конверт — читаю. Пишет начальник училища: «Вы, Анна Тимофеевна, можете гордиться своим сыном! Командование благодарит Вас!»

^{Она} Я подумала: маленького за хорошие дела хвалили соседи, постарше стал — учителя, а вот теперь уже командир пишет. Вырос мой сынок. Хорошим, правильным человеком стал!

Уже после того как состоялся первый космический полёт, собралась на ~~мой~~^{АТ} день рождения вся ~~на~~^{наша} семья. Юра поднялся, сказал: «Спасибо, тебе, мама, что ты приучила нас с детства трудиться. Приучила каждое дело делать на «отлично». Это в жизни — главное!»

В день моего семидесятилетия Советское правительство наградило меня орденом Трудового Красного Знамени. Вручали мне его в Городском дворце культуры. Много людей выступало. Говорили, как я хорошо работала в колхозе. И мне было приятно, что труд мой вспомнили, оценили.

Но самую большую радость мне доставляли слова о моих детях. О заводском мастере Валентине Алексеевиче, о медицинской сестре Зое Алексеевне, ударнике коммунистического труда шлифовщике Борисе Алексеевиче, о первом космонавте Юрии Гагарине...

Дорогие ребята! почаще думайте о том, как доставить своим мамам радость. Знайте, что мамы радуются и гордятся, когда вы хорошо учитесь, славно работаете, растёте смелыми, добрыми, честными — настоящими сынами и дочерьми нашей Советской Родины.

ГОВОРЯЩЕЕ ПИСЬМО

В полярные злые широты
На судно, зажатое льдом,
Доставили почту пилоты:
Конверт с говорящим письмом.

В каюте, наполненной шумом,
Усталая лампа горит.
Задумчиво слушает штурман,
Как старая мать говорит.

И словно сквозь шум непогоды,
Услышав своих матерей,
Команда теснилась у входа
И боцман присел у дверей.

А судно снегами заносит,
Метелям мести и мести...
Вот голос смолкает, но просят
Пластинку опять завести.

И долго матросам не спится,
Всё смотрят в бегущую тьму.
А самому младшему снится,
Что мама подходит к нему.

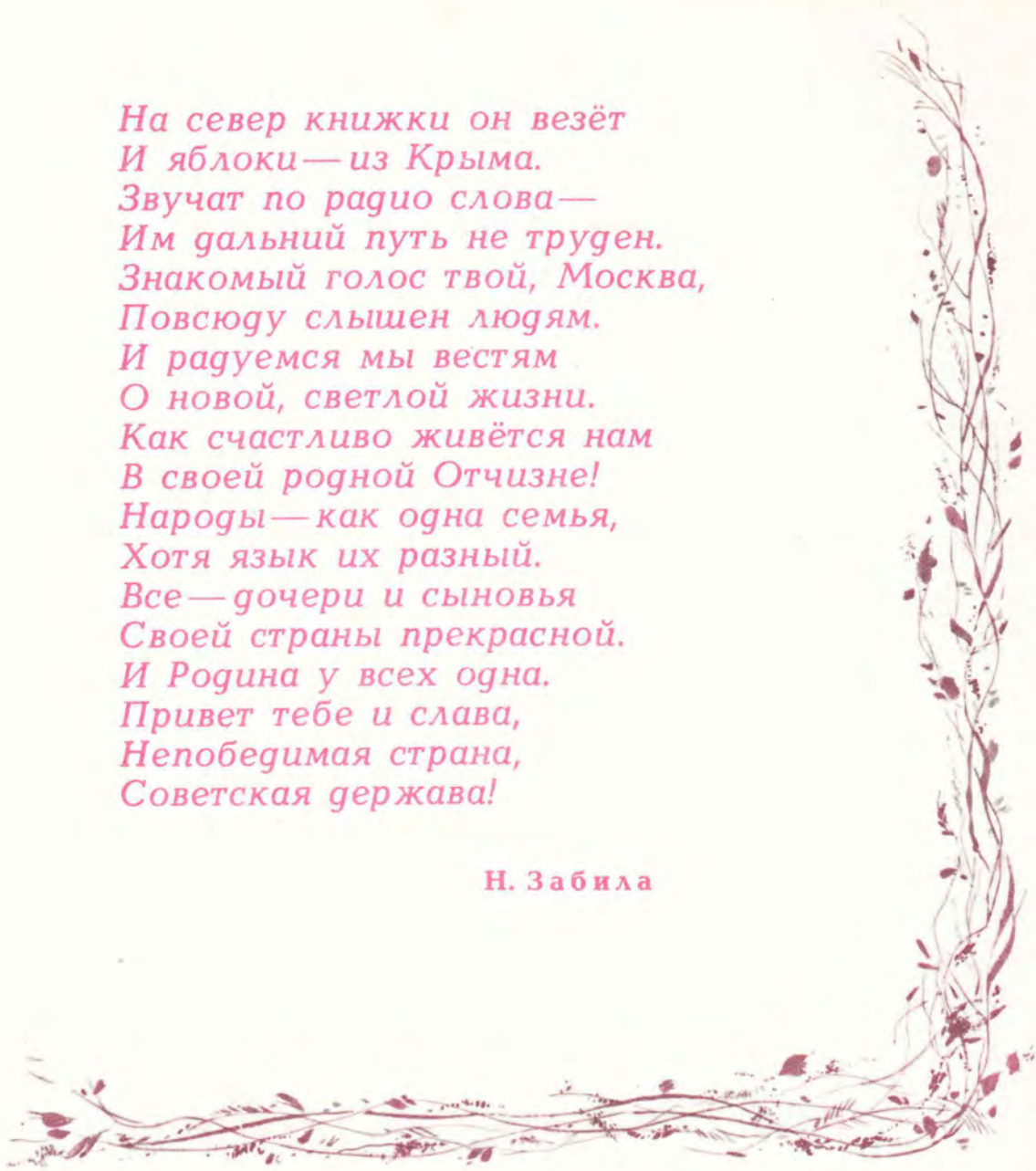

ЛУЧШАЯ НА СВЕТЕ

Советский край, моя земля,
Родимые просторы!
У нас и реки, и поля,
Моря, леса, и горы.
И север есть у нас, и юг.
Сады цветут на юге,
На севере снега вокруг —
Там холода и вьюги.
В Москве ложатся спать сейчас,
Луна глядит в оконце.
Дальневосточник в тот же час
Встаёт, встречая солнце.
Советский край, как ты велик!
С границы до границы
И скорый поезд напрямик
В неделю не домчится.
А быстрокрылый самолёт
Летит неустомимо.

На север книжки он везёт
И яблоки — из Крыма.
Звучат по радио слова —
Им дальний путь не труден.
Знакомый голос твой, Москва,
Повсюду слышен людам.
И радуемся мы вестям
О новой, светлой жизни.
Как счастливо живётся нам
В своей родной Отчизне!
Народы — как одна семья,
Хотя язык их разный.
Все — дочери и сыновья
Своей страны прекрасной.
И Родина у всех одна.
Привет тебе и слава,
Непобедимая страна,
Советская держава!

Н. Забила

2 р. 50 коп.